

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
ИМ. В. В. ВИНОГРАДОВА

В. М. Живов

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЕ
ПРАВОПИСАНИЕ
XI–XIII века

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2006

Живов В. М.

Ж 67 Восточнославянское правописание XI—XIII века / РАН; Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. — М.: Языки славянской культуры, 2006. — 312 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 5-9551-0154-3

Сборник включает серию работ, посвященных проблемам правописания в восточнославянских рукописях XI—XIII в. Исследуются принципы, которым следовали писцы при копировании церковнославянских текстов. Сопоставляются принципы некнижного письма, которым пишут те, кто учился читать, но не учился профессионально писать и которое представлено прежде всего в берестяных грамотах, и книжного письма, которым пользовались профессионалы. Рассматриваются условия профессиональной книжной деятельности, соотношение орфографии, орфоэпии и живого произношения писцов. Особое внимание уделяется орфографическим правилам, которые употребляли книжные писцы, исследуются возможности реконструкции этих правил. Анализируются как общие проблемы орфографической нормы XI—XIII вв., так и несколько частных проблем (отражение на письме палатальных сонорных, правописание рефлексов **er* и т. д.).

Книга представляет интерес для историков славянских языков и специалистов по истории письменной культуры славян.

ББК 63.3

*В оформлении переплета использована иллюстрация из:
Типографский Устав: Устав с кондакарем конца XI — начала XII века, л. 47 об.*

ISBN 5-9551-0154-3

© Живов В. М., 2006
© Языки славянской культуры, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	7
Норма, вариативность и орфографические правила в восточнославянском правописании XI—XIII века	9
Правила и произношение в русском церковнославянском правописании XI—XIII века	76
Еще раз о правописании ц и ч в древних новгородских рукописях	131
Палатальные сонорные у восточных славян: данные рукописей и историческая фонетика	151
Въ плѣну у ангеловъ, на дикомъ брегѣ — ахъ!	178
ХОУ-тъ-И . Об идиосинкратических факторах при выборе морфологических вариантов	200
Проблемы формирования русской редакции церковнославянского языка на начальном этапе (По поводу книги И. Тота «Русская редакция древнеболгарского языка в конце XI — начале XII вв.». София, 1985. 358 с.)	225
<i>Приложение</i> : Н. Н. Дурново и его идеи в области славянского исторического языкознания	260
<i>Указатель</i>	294
<i>Список сокращений</i>	310

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный сборник составлен из статей разных лет, посвященных восточнославянскому правописанию XI—XIII века. Некоторые из них были опубликованы в труднодоступных изданиях, что и побудило меня предпринять эту перепечатку. Перепечатаваемым статьям предпослана новая работа, в которой я постарался подвести некоторый итог моим исследованиям в данной области. Хотя вошедшие в сборник статьи посвящены разным явлениям, характерным для правописных практик древней Руси, они объединены единым подходом к изучению языковых особенностей восточнославянских рукописей. Этот подход развивает концепцию Н. Н. Дурново, согласно которой правописная практика определяется орфографической системой писца, а не написаниями оригинала, который он копирует, или его собственным живым произношением. Основная проблема состоит, на мой взгляд, в том, как именно и за счет чего формируется орфографическая система писца, какие ее параметры являются общепринятыми и нормативными, а какие могут быть отнесены на счет индивидуального выбора пишущего.

Язык в этой перспективе предстает не как абстрактная система, а как набор инструментов, используемых пишущим в определенных целях. Инструменты могут быть более простыми и более сложными. К простейшим инструментам относятся те, овладение которыми происходит при обучении грамоте (чтению по складам). В этой связи встает вопрос о том, какие соотношения между звуками и буквами задавались этой процедурой, каков был состав складов (и состав азбук), как умения, полученные при обучении чтению, трансформировались в навыки письма. Этот вопрос, затрагиваемый почти во всех статьях

сборника, приобрел совершенно новые очертания в результате изучения берестяных грамот, позволившего А. А. Зализняку говорить об особой бытовой (некнижной) системе письма. При сопоставлении книжного письма с бытовым стало особенно очевидным, до какой степени книжная правописная практика зависела от использовавшихся книжными писцами орфографических правил. Орфографические правила представляют собой достаточно сложный инструмент языковой деятельности. Реконструкция этих правил, определение того, как они применялись, какие писцы владели ими, а какие нет, — это едва ли не основной сюжет публикуемых статей.

Статьи перепечатываются без существенных изменений и дополнений, хотя сейчас я бы ряд тезисов сформулировал иначе (например, те положения, в которых используется понятие диглоссии). Благодаря исследованиям последних лет существенно мог бы быть расширен и материал, который послужил основой для сделанных в публикуемых работах выводов; новый материал их подкрепляет, хотя никак принципиально не меняет линии аргументации. Осведомленный читатель без особого труда сможет сам приобщить эти новые данные к тем, которые приводятся в вошедших в сборник статьях. В приложении печатается статья о Н. Н. Дурново и его идеях в области исторической русистики — как дань памяти замечательному ученому, труды которого и до сего дня остаются определяющими для всей проблематики истории восточнославянского правописания.

Изменения в основном коснулись библиографических данных. То, что в момент публикации было в печати, теперь давно напечатано, так что появилась возможность дать точные библиографические указания. Я снабдил также старые ссылки на труды Н. Н. Дурново по истории русского языка (часто малодоступные) новыми библиографическими указаниями, отсылающими к собранию его трудов в этой области, изданному в 2000 году.

Москва, август 2005 г.

НОРМА, ВАРИАТИВНОСТЬ И ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ПРАВИЛА В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ ПРАВОПИСАНИИ XI—XIII ВЕКА *

Нормативность и вариативность. Письменные языки славянского средневековья радикально отличаются от современных письменных (литературных) языков степенью допустимой вариативности на орфографическом и морфологическом уровнях. В церковнославянских рукописях чуть ли не каждая форма представлена в нескольких возможных графических вариантах, отражающих и возможные различия в произношении, и различия в орфографических принципах, и различный выбор вариантных морфологических показателей. При сопоставлении с тщательно стандартизованными современными литературными языками, в которых вариативность сведена к минимуму, ситуация в церковнославянских текстах производит впечатление полного разнобоя, в котором просматриваются лишь зачаточные формы упорядоченности. Это впечатление побуждает ряд исследователей говорить о том, что в церковнославянском узусе раннего периода вообще отсутствовала книжная норма (Ворт 1978). Мне такая точка зрения представляется неоправданной, во всяком случае если понимать норму достаточно широко, не отождествляя ее со стандартизованностью современных литературных языков.

О наличии нормы (представлений о правильности лингвистических форм) однозначно свидетельствуют многочисленные исправления в дошедших до нас рукописях: если рукопись

* Автор глубоко признателен А. А. Пичхадзе и Б. А. Успенскому, прочитавшим эту статью в рукописи и сделавшим ряд ценных замечаний.

правится, это значит, что писец заменяет неправильные с его точки зрения элементы на правильные, т. е. обладает представлением о норме и проводит эти представления в своей языковой практике. Лингвистические исправления являются постоянным элементом книжного дела в древней Руси, во многих случаях они осуществляются вполне последовательно, так что нормализация — это обычный, а не исключительный феномен языковой установки восточнославянских книжников. В рукописях XII—XIV вв. встречаются приписки, в которых писец в виде жеста самоуничижения просит прощения за то, что он писал, но не исправлял, и обращается к читателю с просьбой исправить его огрехи, не осуждая его; тем самым правка при списывании рассматривается как естественная составляющая процесса профессионального копирования, в том числе, видимо, и правка орфографическая¹.

В большинстве случаев мы можем лишь реконструировать этот процесс рекуррентной перелицовки. Эта реконструкция дает нам возможность объяснить формирование орфографических систем, характерных для разных периодов истории церковнославянского языка, как кумулятивный эффект последовательно проводившихся правок. Писец, переписывающий оригинал предшествующего периода, приводит его правописание в соответствие с нормами своего времени. Он может это делать не вполне последовательно, и тогда его продолжатель (или продолжатели), производя следующие списки, довершают его дело. Замечу, забегая вперед, что кумулятивный характер этого процесса указывает на зависимость между последовательно-

¹ См. весьма красноречивую запись писца Тимофея на Лобковском прологе 1282 г.: «а ци кто хытрѣ попъ или дыакъ почнетъ цисти книг[ы] сна аче кде оци и браѣ въ свои гроубости боу криво написалъ не исправил[ъ] а сами исправаче цтите примете ѿ ба мьздохъ блгословите а не кланит[е]» (ГИМ, Хлуд. 187, л. 148 об.; см. публикацию с несколькими погрешностями: Столярова 2000, 132). Ср. еще в записи писца Феофана на Галичском евангелии 1357 г.: «уже боудохъ не їсправи. в коемъ мѣстѣ. исправѣ ба дѣа. читте. а не кленѣте» (Жуковская 1957, 41). О призыве к читателю исправить ошибки писца и не осуждать его как элемент формуляра писцовых записей см.: Столярова 1998, 83—84, 89, 100—101, 125—128.

стью в проведении нормативных установок и тем, насколько часто переписывается рукопись; частота копирования находится, понятным образом, в связи с жанром рукописи.

Процесс аккумулируемых изменений, приводящих к формированию новой нормы, можно проиллюстрировать на многократно описанном и прозрачно мотивированном утверждении нормы написания **ж** вместо **жд** на месте **dj*. Н. Н. Дурново писал, что

звуковой системе русских живых говоров XI в. сочетание *žd* не было свойственно: *ž*, как и другие шипящие, могло стоять только перед гласными и перед палатальными согласными; между тем *d* в этом сочетании в книжном произношении русских грамотных людей не было палатальным. Только позднее, благодаря выпадению *ь* в слабом положении, в русских языках стало возможным сочетание *žd* с *d* непалатальным. Но в XI в. *ь* после *ž* перед непалатальным *d* сохранялось. Несовпадением между книжным произношением *žd* и звуковой системой живого языка объясняется то, что тенденция к устранению *žd* из книжного языка замечается очень рано; *žd* постепенно было вовсе устранено из языка в тех случаях, где оно соответствовало о.-сл. **dj*, и заменено русским *ž*; старшие памятники, указывающие на такую замену, относятся к XI в. (Архангельское ев. и др.) (Дурново 2000, 651—652).

Процесс устранения **жд** может рассматриваться как кумулятивное изменение, приводящее к замене одной нормы другою. Процесс этот был несколько более длительным, чем тот краткий отрезок времени, на который, по видимости, указывает Дурново, обрисовывающий лишь его общие контуры; к тому же он был осложнен рядом мелких, но характерных деталей. Для первоначального периода восточнославянской письменности можно говорить о норме, предполагающей написание **жд** на месте **dj*. Так, исключительно **жд** фиксируется в Новгородском кодексе первой четверти XI в.² Эта норма, хотя и с некоторыми

² В тексте псалмов, написанных на цере, релевантные примеры отсутствуют. В надписях на полях встречается, однако, **отъѣхѡждение** (Зализняк и Янин 2001, 23). В «скрытых» текстах, отпечатавшихся на досках кодекса и прочитанных А. А. Зализняком, находим: **троѣждааѡжъ сѡ**, **жаждѡщаѡ**, **проваждааѡжъ**, **проѡжаждени**, **троѣждаѡщен** и т. д. (Зализняк 2002б, 50, 52).

отклонениями, сохраняет свою значимость для обоих почерков Остромирова евангелия (ОЕ¹ и ОЕ²). В первом почерке на 26 форм с **жд** приходится только 3 формы с **ж** (10.34%): **прѣ/же** 7а, **роже//нѣи** 8аб, **прихожж** 23в (ср.: Козловский 1885—1895, 113; Лант 1949, 105—106)³. Во втором (основном) почерке ОЕ **ж** на месте **dj* встречается в 27 случаях, однако в подавляющем числе случаев сохраняется **жд** (Лант 1949, 105; примеры см.: Козловский 1885—1895, 113—114). Такая же ситуация и в Изборнике 1073 г. (И1073); оба писца этой рукописи, как правило, сохраняют **жд**; **ж** в соответствующих рефлексах употребляется приблизительно в 8% случаев (Лант 1949, 114). Не менее последовательна в рассматриваемом отношении Чудовская псалтырь (ЧП; см. публикацию: Погорелов 1910); в ней на 192 формы с **жд** приходится всего 11 форм с **ж** (5.42%)⁴. В этот же ряд могут быть поставлены и Тринадцать слов Григория Богослова (РНБ, Q.п. I.16), в которых Лант насчитывает около 14% «русских» написаний (Лант 1949, 140), и Путятина минея (РНБ, Соф. 202), в которой пропорция написаний с **ж** составляет 14.29%⁵. Сходные

³ Г. Лант, впрочем, ошибочно говорит лишь о двух (а не трех) случаях «of the Russian spelling» в первом почерке (Лант 1949, 106).

⁴ Никакими особыми свойствами формы с **ж** не обладают; все основы с **ж** встречаются и в варианте с **жд**. Поскольку число форм невелико, приведу полный список: **прѣ/же** 6в, **въхоже/нии** 26г, **ограже/нѣ** 47г, **пооубжжажѣ** 51в, **въсхоже/нии** 75а, **постгы/жж** с.л 96б, **оутвьр'же/нии** 96в, **ограженик** 96в, **рожь/ство** 105а, **насла/жажшти** 165в, **с'зижю** 175в.

⁵ В абсолютных цифрах в этой рукописи на 180 написаний с **жд** приходится 30 написаний с **ж**. Каких-либо лексических привязок в формах с **ж** не наблюдается. Приведу полный список примеров с **ж**, пользуясь изданием Баранов и Марков 2003 (доступно также в электронном виде на сайте www.mns.udsu.ru; ср. еще: Марков 1968, 553): **оутвьрженик** 1 об., **стража** 6, **въсхоженникъ** 12, **рожьствѣ** 14, **стражщи** 18, 20 об., 21 об., **рожьствоу** 18, **рожьшж** 24, **оутвьржии** 30 об., 83, **рожьшина** 32 об., **рожьствж** 33, **расположениа** 34, **рожьствомъ** 35, **рожьшина** 36 об., 55, **рожьство** 49, **прѣ/же** 52, **р(о)ж(ь)ства** 53 об., 60, **рожьствѣ** 53 об., **подажъ** 59 об., **р(о)ж(ь)ство** 70 об., 109 об., **стражошѣ** 84, **сжгражане** 110 об., **стражошци** 117, **стражошцоу** 132, **сѣтоужаждца** 133 об. Стоит, видимо, отметить, что существенная часть этих форм находится в сокращенных заголовках к песням канонов.

характеристики присущи и Пандектам Антиоха (ПА — ГИМ, Воскр. 30, см. изд.: Поповски 1989б): из пяти писцов этой рукописи лишь у двух встречаются написания с **ж** на месте **dj*, тогда как три писца вполне последовательно воспроизводят **жд**; даже и два «погрешающих» писца в подавляющем большинстве случаев не погрешают и пишут **жд**: у писца В (по определению И. Поповского) 13 примеров с **ж**, у писца Е — всего 4 примера (Поповски 1989а, 109)⁶.

Насколько оправданно для этих ранних рукописей говорить о нормативности написания **жд** на месте **dj*, кажется спорным вопросом. Относительная последовательность данных написаний может быть объяснена как подражание южнославянским протографам: нормативность этого подражания по отдельным лингвистическим параметрам зависит от его сознательности (целенаправленности). Не будет, однако, слишком смелым допущением предположить, что отдельными писцами формы с **ж** на месте **dj* могли рассматриваться как ошибочные или, во всяком случае, как сомнительные. В перечисленных выше рукописях прямых свидетельств такого восприятия нет. Тем не менее по крайней мере в одной рукописи рубежа XI—XII вв., а именно в Бычковско-Синайской псалтири⁷, у одного из писцов в трех случаях имеются исправления **ж** на **жд** (**д** дописано сверху): **прихож^а/хоу** (л. 63), **въсаж^и** (л. 83 об.), **зиж^{ени}** (л. 90 об.) (см. Альтбауер и Лант 1978, 72, 93, 100; Кривко 2004б, 175; ср. об этой рукописи ниже). Если писец, который употребляет **ж** и **жд** приблизительно в равной пропорции, может испытывать беспокойство в отношении написаний с **ж**, подобное же беспокойство может быть, видимо, приписано и писцам, употреблявшим **жд** более последовательно. Исправления, как уже было сказано, предполагают норму, хотя, как в данном случае, она обычно не

⁶ При этом в двух случаях (по одному у писца В и Е), включенных в подсчет, буква **д** соскоблена; понятно, что время такого рода правки трудно установить; она могла быть произведена существенно позже написания рукописи.

⁷ Иногда эта рукопись, фрагменты которой разбросаны по разным хранилищам (Тарнанидис 1988, 109—110), может датироваться и просто XI в. (Зализняк и Янин 2001, 19).

выдерживается с полной последовательностью и существует лишь в течение относительно недолгого периода.

Действительно, уже для 1070-х годов можно говорить о разрушении данной нормы и о начале переходного периода, периода постепенного становления новой нормы. Из датированных рукописей на этот процесс указывает Изборник 1076 г. По подсчетам Г. Ланта в рефлексам **dj* **ж** употребляется в 62% случаев, тогда как на долю «традиционного» **жд** приходится 38% (Лант 1949, 119)⁸. Еще более показательна ситуация в Архангельском евангелии 1092 г., написанном двумя почерками (АЕ¹ и АЕ²). В первом почерке параметры сходны с Изборником 1076 г.: **жд** встречается в 24 случаях, **ж** — в 30 случаях (55.56%) (Лант 1949, 106). Второй писец, Мичько, решительно поворачивает в сторону **ж**, которое встречается у него более чем в 90% случаев (там же; ср. еще Дурново 1931). Поскольку оба писца работали одновременно, различия в их узусе по рассматриваемому признаку показывают, какова могла быть дисперсия параметров в переходный период. Сходная ситуация в Минее 1097 г. (М1097). В данной рукописи первые три писца, объединяемые С. П. Обнорским в одну группу (первая часть), употребляют **жд** в 49 случаях, **ж** — в 147 случаях (75%); четвертый писец (вторая часть) употребляет **жд** в 14 случаях, **ж** — в 170 случаях (92.39%) (Обнорский 1924, 217; ср. Лант 1949, 132—133). Аналогичные соотношения можно наблюдать и в ряде недатированных рукописей конца XI — начала XII в. Так, например, в Бычковско-Синайской псалтири в первом почерке в «подавляющем большинстве случаев» на месте **dj* пишется **ж**, тогда как написание **жд** представлено единичными примерами (их всего 6) (Кривко 2004а, 87—88). Во втором почерке той же рукописи соотношение иное: **жд** встречается в 25 случаях, **ж** — в 27 случаях (51.92%) (Кривко 2004б, 175).

Естественно, что в этот же период появляются и рукописи, сплошь характеризующиеся окказиональным употреблением **жд** при доминирующем **ж**. К таким рукописям относятся в

⁸ Т. Ротт-Жебровски дает и абсолютные цифры: **жд** употребляется в 63 случаях, **ж** — в 104 случаях, что как раз и составляет 62.28% (Ротт-Жебровски 1974, 190).

первую очередь новгородские Миней 1095 (М1095) и 1096 г. (М1096). Полные статистические данные для этих рукописей отсутствуют (цифры, которые дает В. Комарович для М1096, неверны и неправдоподобны, см. Комарович 1925, 37). Однако выборочные подсчеты, сделанные Г. Лантом, показывают, что в М1096 **жд** пишется на месте **dj* приблизительно в 6% случаев, а в М1095 аналогичный показатель еще меньше и составляет менее 2% случаев (Лант 1949, 125; ср. Карнеева 1916, 123). Такая же правописная практика характерна и для февральской миней из собрания Синодальной типографии рубежа XI—XII вв. (РГАДА, ф. 381, № 103 — см. СК 1984, № 40, с. 80—81); и в ней **ж** пишется в подавляющем большинстве случаев (Тот 1981, 154—155). Для этих рукописей, таким образом, можно считать, что нормативным в них является написание с **ж**, тогда как написания с **жд** выступают как отклонения от нормы. Это не означает, конечно, что данная новая норма стабилизировалась уже в конце XI в. И в первой половине XII в. появляются рукописи с существенно большей пропорцией отклонений; видимо, пропорция может зависеть и от индивидуальности писца, и от той школы (скриптория), к которой он принадлежит (для раннего периода этот фактор не поддается анализу), и от жанра рукописи. Можно указать, например, на Ефремовскую Кормчую, в которой, по приблизительным подсчетам С. П. Обнорского, написания с **ж** встречаются более чем в 500 случаях, тогда как написания с **жд** представлены 350 примерами (таким образом, написания с **ж** составляют около 59%) (Обнорский 1912, 62). Аналогичная пропорция наблюдается и в Минее РГАДА, ф. 381, № 131 (так называемая «Ильина книга» — см. издание: Крысько 2005). Здесь на 136 примеров с **жд** приходится 160 примеров с **ж** (54,05%) (Верещагин и Крысько 1999, 4—5). Можно указать и на еще более консервативные рукописи, появляющиеся позднее новгородских миней. К ним относится, например, Юрьевское евангелие 1119—1128 гг. (ГИМ, Син. 1003), орфография которого архаична по многим параметрам. На первых 50 листах этой рукописи **жд** встречается в 64 случаях, **ж** — в 25 случаях (28,09%). Менее консервативно Мстиславово евангелие (МЕ — ГИМ, Син. 1203; см. публикацию: Жуковская 1983). Выборочные подсчеты (л. 1а—50г, 75а—105г, 150а—180г) дали здесь